УДК 1(091)

СИНЕРГИЗМ КАК ХАРАКТЕРНАЯ ЧЕРТА МИРОПОНИМАНИЯ АНТИЧНОЙ КУЛЬТУРЫ

Н.В. ПАНЧИШИН
(Минский государственный лингвистический университет)

Предпринята попытка оценки античной натурфилософии и мировоззренческой ориентации античной культуры с точки зрения синергетического подхода.

Античная культура как значимый духовный феномен человеческой истории неизменно привлекает к себе внимание историков философии. Ряд специалистов обратили внимание на изоморфность воззрений древних мыслителей новейшим представлениям о мире, присущим рубежу XX - XXI столетий.

Особый интерес в этом контексте вызывают взгляды ряда представителей античной философской классики (Платон), неоплатонизма и гностицизма, становящиеся все более и более созвучными современным достижениям науки, ставших возможными благодаря междисциплинарному синтезу естественных и гуманитарных исследований. Основанием для подобного - существенно опередившего свое время - состояния мысли в рамках античной культуры представляется ее органичный *синкретизм.* Возможность философской рефлексии над миром как нерасчлененным целым обусловила возможность интеллектуального «схватывания» последнего в том ракурсе, какой в ряде аспектов оставался недоступным для классического научного мышления, разобщенного «межцеховыми» дисциплинарными перегородками.

Так, определенные - весьма значимые - описания мироустройства в рамках античной культуры по ряду существенных характеристик созвучны современным *синергетическим* трактовкам мира, весьма распространенным в современную эпоху. В русле исследований главных приверженцев синергетического подхода, а также его воплощений в современной культуре (И. Пригожин. И. Стенгерс, Н.Н. Моисеев, Е.Н. Князева, С.П. Курдгомов и др.), фундаментальными положениями сопряженной с ним парадигмы миропонимания полагаются, в частности, следующие моменты:

1) в неравновесных условиях хаотическое состояние сложной системы может самопроизвольно сменяться различными формами самоорганизации;

2) процессы самоорганизации являются принципиально нелинейными:

- характеризуются наличием особых точек бифуркационного ветвления путей эволюции системы, открывая веер различных (но лежащих в пределах определенной зоны возможного) эволюционных перспектив;

- фундаментальную роль в процессах самоорганизации играет феномен случайной флуктуации, который (благодаря действующему в сильно неравновесных средах принципу «усиления флуктуации» или «разрастания малого») вызывает к жизни глобальную реорганизацию системы, порождая «порядок из хаоса» [1].

Как отмечалось в историко-философской литературе, фиксация внимания на феномене «неслучайности» (неэлиминируемости) случая была впервые осуществлена Эпикуром в рамках его идеи о самопроизвольном отклонении атомов [2, с. 199]. В противоположность последующему движению европейского интеллектуализма, в рационалистической своей версии постулировавшего, что случайность суть лишь «непознанная необходимость», античная культура провозгласила атрибутивный характер феномена случайности в устройстве мироздания,

В свою очередь, в XVIII веке европейская «идея о том, что природа подчиняется простым познавательным законам, была воспринята в Китае как непревзойденный пример антропоцентрической глупости» [3, с. 308]. Логоцентризм классической науки, полагавшей, что смысл и разумность тотально пронизывают всю Вселенную, что постижение истины являет собой неограниченное поступательное движение к раскрытию исходных тайн мира, ставился под сомнение. В данном случае отнюдь не потребовалось перехода к постнеклассическому этапу эволюции научного мышления и философствования, достаточно было лишь хода рассуждений в иной - восточной - системе мыслительных координат. Как подчеркивал в этой связи выдающийся французский философ XX века М. Фуко, для классической философии характерна тема «изначального опыта»: «вещи уже шепчут нам некоторый смысл, и нашему языку остается лишь подобрать его... В свою очередь, по его убеждению, современный - постмодернистский -■ стиль философствования формулирует свою стратегию принципиально альтернативным образом: «не полагать, что мир поворачивает к нам своё легко поддающееся чтению лицо, которое нам якобы остается лишь

дешифровать: мир - не сообщник нашего познания, и не существует никакого преддискурсивного провидения ... Дискурс, скорее, следует понимать как насилие, которое мы совершаем над вещами» в практиках осмысления мира и его означивания [4].

По убеждению же С. П. Курдюмова, описанный синергетикой механизм самоорганизации «удивительно напоминает древние натурфилософские построения», - в этом контексте «сопоставление этих учений с современными теоретическими представлениями» оценивается им как имеющее «эвристическую ценность для дальнейших разработок в теории самоорганизации» [5, с. 57].

Так, созидательный потенциал Хаоса выражался в границах синкретического миропонимания посредством идеи имманентного наличия внутри Хаоса субъекта креативности (космогонические схемы Вавилона и поздней Финикии). Процессуально Хаос в своем движении обнимал как процедуры становления космически оформленного мироздания (дифференциация исходной нерасчлененности хаоса, выделение традиционных пар как противоположностей, возникновение качественно определенных стихий и оформление конкретных предметов), так и сценарии деструкции ставшего Космоса. Речь идет о классической мифологической формуле «я разрушу все, что я создал, мир снова превратится в Хаос» в Египетской «Книге мертвых» - до фигуры апейронизации в натурфилософской модели Анаксимандра и идеи Прокла о Хаосе как одновременно исходной точке и конечной цели всех эманаций [6, с. 9]. Включая в себя последовательно сменяющие друг друга космические циклы (от становления до гибели), Хаос, таким образом, трактовался в античной культуре как вечно пребывающий в качестве воплощающегося в этих циклах, но отличного от них начала. Хаос характеризовался как безграничной открытостью всевозможным вариациям становления, так и вечностью в виде бесконечной неисчерпаемой потенциальности. Хаос понимался не только извечным во временном плане, но и содержательно вечным в смысле перманентно пребывающей возможности (иных возможных миров) по отношению к действительности, наличию ставшего мира. Но и в рамках мироздания, оформленного как Космос, Хаос сохранялся, оформляя своего рода семантико-топологическую периферию: мифологема мирового древа, дифференцирующая мир по вертикали на небо-крону, околоствольное пространство и корни-аид, по горизонтали отграничивает гармонический центр Космоса от периферического Хаоса. Космогенез, таким образом, понимался античными мыслителями не как процесс преодоления Хаоса, но как органичная стадия жизненной пульсации последнего, предполагающей в равной мере как собственную космизацию, так и возврат в исходное, богатое новыми возможностями состояние [6].

В античной философии было рефлексивно зафиксировано, что, будучи не воплощенным и неоформленным, Хаос чувственно не артикулируется и может быть помыслен только в качестве умозрительного: «умопостигаемый Хаос» у Прокла [7]. На ранних стадиях эволюции античной философии архэ. собственно, и было представлено Хаосом как таковым: умопостигаемое «беспредельное» (наряду с оформляющим и космизирующим «пределом») у пифагорейцев, апейрон («то, что бесконечно») как полнота возможностей космизации у Анаксимандра.

Особое место в парадигмальном осмыслении Хаоса античной философией занимает один из последних текстов Платона - диалог «Тимей» [8]. Общепринятым является мнение, что именно в этих - поздних - работах Платона особенно заметно влияние пифагорейского (эзотерического, а поэтому синкретического) миропонимания.

Повествуя о трагической судьбе острова Атлантида, Платон приходит к выводу о том, что мировым принципам меры, равновесия, порядка всегда противостоят некие противоположные им начала. Не принимая их во внимание, невозможно понять устройство мира. Философ обращается к проблеме происхождения мира и его стройности. Платон вопрошает: существовало ли упорядоченное мироздание извечно или же оно возникло, выйдя из некоего начала? Ответ очевиден для мыслителя: «Оно возникло: ведь оно зримо, осязаемо, телесно, а все вещи такого рода ощутимы и, воспринимаясь в результате ощущения мнением («мнение» в терминологии «Парменида» Платона есть знание видимого мира. - *Н.П.),* возникают и порождаются. Но мы говорим, что все возникшее нуждается для своего возникновения в некоей причине» [8].

По мысли Платона, «Творца и Родителя этой Вселенной нелегко отыскать, а если мы его и найдем, о нем нельзя будет всем рассказывать (явный эзотерический пассаж в творчестве мыслителя. - *НИ.)»* [8], Две посылки, согласно убеждению Платона, способны выступать здесь ориентирами: мысль о благости Творца и стройный порядок природы. Создатель-Демиург, с точки зрения Платона, образуя мир, имел перед своим взором некий совершенный архетип: «Ведь космос - прекраснейшая из возникших вещей, а его Демиург - наилучшая из причин. Возникши таким, космос был создан по тождественному и неизменному [образцу], постижимому с помощью рассудка и разума» [8]. При этом, с точки зрения философа, сформулировать эти знания в точных терминах разума вряд ли осуществимо. Согласно Платону,

«нам приходится довольствоваться в таких вопросах правдоподобным мифом, нс требуя большего» [8]. Побуждением, сподвигнувшим Творца к созданию мира, мыслитель полагал его собственную благость, ибо он «пожелал, чтобы все вещи стали как можно более подобны ему самому» [8]. Таким образом, по Платону, цель процесса творения - приближение ограниченного и обусловленного мира к идеалу Безграничного и Абсолютного Божества. Логос творит целостный мир по образцу эйдосов, или - в пределе - своего совершенства.

Космос у Платона не выступает как нечто раздробленное или мертвое, он сотворен как «единое видимое живое существо» [8], как *организм*, обладающий разумом и мировой душой. Последняя представлялась Платону пограничной сферой между двумя мирами - миром вечных идей-архетипов и зримым планом бытия. Вселенская мировая душа, по мнению Платона, была создана первой и выступает объединяющим фундаментом Космоса. Мировое тело, согласно Платону, «устроено так, чтобы получать пищу от своего собственного тления, осуществляя все свои действия и состояния в себе самом и через себя само» [8]. Мир у Платона - это та среда, тот замкнутый в себе самом континуум Пространства-Времени, в котором Демиург формирует все существующее. При этом само по себе Пространство-Время трудно помыслить и определить ввиду отсутствия у него обычных качеств. Согласно Платону, взаимодействие мира эйдосов и Праматерии является причиной законченного и стройного облика Космоса: тем самым речь идет о *несотворенном* основании тварного мира. По убеждению Платона, Праматерия - извечна, Демиург-Создатель лишь внес в нее гармонию: «Бог позаботился обо всех видимых вещах, которые пребывали не в покое, но в нестройном и беспорядочном движении; он привел их из *беспорядка в порядок* (курсив мой. - *Н.П.)»* [8].

Согласно концепции «Тимея», черты несовершенства являют собой абсолютную неизбежность в человеческом мире. И хотя творение Вселенной - охватывающей все видимое единым кругом - завершено, полностью изгнать из нее Хаос не под силу даже Создателю-Демиургу. Хаос в таковой системе координат оказывается нерасторжимо связан с промыслом Лнанке - Необходимости. По мысли Платона, «из сочетания Ума и Необходимости произошло смешанное рождение нашего космоса. Правда, Ум одержал верх над Необходимостью, убедив ее обратить к паилучшему большую часть того, что рождалось»; для верного описания рождения Вселенной - помимо божественного Разума - «следует привнести также и вид беспорядочной причины» [8]. Хаос у Платона по самой природе своей необорим.

В эпоху доминирования в классическом европейском рационализме механической системности и линейного детерминизма понятие «Хаос» выступало как синоним дисгармонической неупорядоченности. Такая интерпретация Хаоса была не тождественна архаическим представлениям о нем как о «страшной бездне» (орфизм), «зияющей бездне» («Старшая Эдда») и т.п. - вплоть до отождествления Хаоса с аидом (древнеримская традиция). Последние фундировались не линейным восприятием бытия и пониманием Хаоса как простого отсутствия линейного порядка, Напротив, характеристика Хаоса, которая в современной терминологии может быть обозначена как подчиненность закономерностям, носящим вероятностный характер, была осмыслена в античной культуре как принципиальная непредсказуемость пульсаций Хаоса, не оставляющая для человека шанса приспособления к ней.

В настоящее время очевиден феномен своего рода ренессанса понятия «Хаос», связанный с оформлением в постнеклассической европейской культуре парадигмальной матрицы исследования нелинейных процессов. Так, в сфере естествознания синергетический подход проявляется именно посредством идеи креативной самодостаточности Хаоса, заключающейся в способности случайных флуктуаций на микроуровне порождать новые организационные порядки на уровне макроструктур [4].

Таким образом, определенно существуют содержательная и мировоззренческая преемственность и внутреннее тождество между: 1) античными представлениями о креативном по природе своей Хаосе и эволюционирующем во времени Космосе как живом и разумном *организме* и 2) современной концепцией ноосферы, что позволяет заложить основу для выработки перспективных синтезирующих подходов к описанию человека, общества и Вселенной. Идеи синергизма, в античной своей версии являвшие собой одну из характеристик синкретической модели понимания мира, в своих исходных допущениях изоморфны тем элементам научной картины мира, которые предлагаются современной синергетикой.

Становление категорий «Хаос» и «Космос» отражало амбивалентные процессы, характерные для античной культуры. С одной стороны, всевозрастающая специализация европейского интеллектуализма по разнообразным отраслям способствовала все более углубленному постижению феноменов материального и духовного мира. С другой стороны, ослабление / «угасание» целостного, синтетического взгляда на мир у античных мыслителей привело к оформлению его механистической, «разобщенной» модели, что не позволило вплоть до середины XX столетия корректно сформулировать принципы «нелинейных динамик».

Переосмысленный - в соответствии с присущей ему категориально-понятийной артикуляцией - *синкретизм* античного мышления и философствования не должен толковаться как однозначно архаичный подход, интеллектуальное преодоление какового выступало однозначным благом для культуры; изживание синкретизма знаменовало утрату целостности взгляда на мир - приходящие ему на смену механицизм и линейный детерминизм вынесли за пределы познавательного интереса людей многие существенно важные проблемы (природу случайности, креативный потенциал сложного и т.п.).

Необходимость попытки более детального рассмотрения генезиса идеи синергизма в европейском мышлении (в рамках становления главных категорий античной культуры) неоднократно постулировалась в ряде специальных текстов. Тем не менее данная исследовательская задача до сей поры не нашла адекватной профессиональной реализации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. - М.; Прогресс, 1986.-431 с.
2. Можейко М.А. Становление теории нелинейных динамик в современной культуре. - Мн.: БГЭУ, 1999.-297 с.
3. Needham J. Science & Society in East & West // The Grand Titration. L.: Alien & Unwin, 1969. -320 pp.
4. Фуко М. Воля к истине: По ту сторону власти и сексуальности. Работы разных лет / Сост. и пер. С. Табачниковой. - М.: Магистериум; Касталь, 1996.
5. [Курдюмов СП.]: Интервью с С.П. Курдюмовым // Вопросы философии. - 1991. - № 6 - С. 53 - 57.
6. Можейко М.А. Хаос // Всемирная энциклопедия. Философия. - М.: АСТ - Современный литератор, 2001. -С. 1181 - 1183.
7. Семенов Н.С. Прокл // История философии. Энциклопедия. - Мн.: Интерпрессервис, Книжный Дом, 2002. -С. 837-840.
8. Платон. Тимей // Платон. Соч. в 3-х т - М.: Мысль, 1971. -Т. 3. Ч. 1. - С. 455 - 543.